

УЕЗДНЫЕ ЭЛИТЫ ЮЖНОГО ФРОНТИРА РОССИИ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ*

О. В. Скобелкин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 мая 2014 г.

Аннотация: в статье формулируются определения элиты и фронта, выявляются особенности южного фронта России, на примере данных 1675 г. по Воронежскому уезду рассматриваются критерии выделения служилой элиты уезда и предлагаются критерии выделения элиты уезда в целом.

Ключевые слова: Россия, XVII век, фронт, элита, служилые люди.

Abstract: the article provides definition of «elite» and «frontier» terms, some special features of the Russian Southern frontier are revealed (based on the 1675 data for the Voronezh county), the criteria for the county's servicemen elite are discussed, and some general criteria for the county's elite are proposed.

Key words: Russia, 17th century, frontier, elite, servicemen.

Последнее время историки довольно часто стали использовать дискурс элит при исследовании отечественного Средневековья и раннего Нового времени. Однако здесь мы сталкиваемся с любопытной ситуацией: исследователи либо уходят от определения того, что в каждом конкретном случае является элитой, подразумевая, что это – нечто, само собой разумеющееся [1, с. 44–46], либо пытаются использовать определения, которые в свое время давали классики теории элит. В последнем случае эти определения применительно к указанным периодам не работают, поскольку формулировались для принципиально иных общественных систем.

В условиях, когда налицо стремление исследователей к выделению в социумах различного уровня групп, которые могут быть названы элитой (элитами) соответствующего социума, представляется необходимым попытаться сформулировать самое общее определение элиты.

На наш взгляд, элита – это часть социума, обладающая рядом признаков, которые с точки зрения большинства членов данного социума являются положительными и (или) привлекательными и которыми остальные члены социума либо не обладают, либо обладают в меньшем объеме¹. Разумеется, что элита – это меньшая часть соответствующего социума.

* Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 14-01-00355 «Русский фронт: политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI–конце XVIII в.)». Данная статья написана на основе доклада, с которым автор выступил на конференции «Элиты раннего Нового времени: биографический анализ и социальная динамика» (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.).

¹ Выражаю искреннюю благодарность Д. О. Серову за советы по формулировке данного определения.

Что касается тех признаков, наличие которых или объем которых отличает элиту от остальных членов социума, то их набор будет зависеть от двух факторов: 1) от рода элиты и 2) от того социума, в рамках которого будет производиться выявление элиты.

Совершенно очевидно, что, например, политическая элита и элита интеллектуальная будут обладать совершенно разными наборами признаков, и разными наборами признаков будут обладать политическая элита Московского государства середины XVII в. и политическая элита какой-нибудь великорусской губернии рубежа XIX–XX вв.

Концепт фронта также сравнительно недавно стал использоваться отечественными историками для описания ряда приграничных территорий России, и поэтому сейчас все еще продолжается усвоение научным сообществом этого термина и связанного с ним дискурса [2, с. 43–48].

Полагаем, что под фронтом следует понимать территорию на окраине государства, располагающуюся вдоль его условной границы, и которая по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства.

Условия возникновения и существования фронта, на наш взгляд, таковы:

- сопредельная фронту территория не является территорией какого-либо государства;
- население сопредельной территории находится на более низкой стадии социального развития и (или) развития техники и технологии, нежели население государства, на окраине которого возникает фронт;
- граница, вдоль которой возникает фронт, является условной, ее демаркация не проводилась;
- сопредельная территория является объектом экспансии государства, в силу чего условная граница

государства постоянно отодвигается вглубь сопредельной территории.

К существенным признакам фронта относятся следующие:

– фронт – это «движущаяся» территория; по мере продвижения условной границы государства территории, бывшие фронтом ранее, теряют свою специфику, перестают быть фронтом, превращаются в часть основной территории государства, а фронтом становятся недавно присоединенные территории;

– наличие постоянной военной опасности;

– фронт является районом колонизации; присоединенная территория заселяется выходцами с основной территории государства, и новое население ведет активную экономическую деятельность по освоению присоединенной территории; при этом характер этой деятельности, как правило, принципиально отличается от таковой аборигенов.

Особенностью России было, во-первых, одновременное существование в определенные исторические периоды более чем одного фронта, а во-вторых, в разные периоды истории фронты возникали на различных окраинах государства. Так, во 2-й половине XVI в. существовало как минимум два фронта – южный и сибирский; в 1-й половине XIX в. этих фронтов уже давно не было – они превратились в основную территорию государства, но зато возник новый фронт – кавказский. Наверное, нет нужды доказывать, что каждый из фронтов, помимо общих «фронтных» черт, имел и свою специфику.

Что касается особенностей южного фронта России 2-й половины XVI – 1-й половины XVII в., то к ним можно отнести следующие:

– присоединяемой к России и колонизируемой территорией было Поле [3, с. 5–10], где не было аборигенного населения, однако через эту территорию пролегали пути крымских и ногайских татар и черкасов;

– южный фронт был объектом постоянных нападений крымских и ногайских татар, а также (до середины XVII в.) – и черкасов;

– на территории фронта существовала особая система сторожевой службы; участие в ней принимало служилое население, а иногда и другие категории населения;

– служилое население преобладало над прочими категориями населения;

– среди служилого населения абсолютно преобладали люди низших чинов;

– среди владельцев поместий и вотчин преобладали мелкопоместные и беспоместные служилые люди; вотчинников было крайне мало, а размеры вотчинных владений были невелики;

– существовала нехватка крестьянского населения, в силу чего большинство помещиков не являлись дворовладельцами;

– имела место социальная мобильность, невозможная на основной территории государства.

На протяжении истории южного фронта значимость указанных признаков была неодинаковой: в какие-то периоды наиболее значимыми были одни признаки, в какие-то периоды – другие.

Принципиально новым этапом в истории южного фронта стало создание в 30–50-х гг. XVII в. Белгородской черты, представлявшей собой небывалую по масштабам систему оборонительных сооружений. В ходе возведения черты было построено более двух десятков новых городов [4], которые вместе с двумя «старыми» городами – Воронежем и Белгородом – стали опорными пунктами обороны.

Именно в этот период стремительно увеличилась вертикальная социальная мобильность, резко возросла доля служилого населения, и соответственно резко снизилась доля крестьянского населения.

Изменился фронт и географически. Теперь его территорию образовывали уезды, чьи административные центры были крепостями Белгородской черты (города «на черте»). (Что касается соседних с ними более северных уездов, городов «в черте», то вопрос о принадлежности их к фронту в этот период еще требует дополнительных исследований.)

Значительная часть южного фронта во 2-й половине XVII в. располагалась в пределах современной Воронежской области. Здесь было 7 городов «на черте» – Ольшанск, Острогожск, Коротояк, Урыв, Костёнск, Воронеж, Орлов; и один город «в черте» – Землянк. Вокруг Ольшанска, Острогожска, Коротояка и Землянска сложились уезды (Воронежский уезд сложился еще на рубеже XVI–XVII вв.), а Урыв, Костёнск и Орлов так и не стали уездными центрами. Кроме того, ко 2-й половине XVII в., за прошедшие шесть десятилетий, в Воронеже и уезде сложились соответствующие социальные структуры. Все остальные города, основанные лишь в 40–60-х гг., уступали Воронежу по численности населения, структура которого отличалась от таковой в Воронеже (в частности, не везде были посадские люди); новые уезды имели в разы меньшее число сел и деревень, крестьянское население в них практически отсутствовало. В то же время Ольшанский и Острогожский уезды отличались от остальных наличием в составе населения большой доли черкасов.

В таких условиях следует, прежде всего, попытаться выявить элиту, во-первых, уезда с «полноценной» социальной структурой, а во-вторых, уезда с однородным в этническом плане населением. Таковым на исследуемой части южного фронта в рассматриваемый период был только Воронежский уезд.

Поскольку верхнюю ступеньку в социальной структуре России XVII в. занимали служилые люди, владевшие поместьями и (или) вотчинами [5, с. 75–81], а служилое население на территории фронта

было наиболее многочисленной категорией, представляется целесообразным начать выявление уездной элиты с выявления служилой элиты уезда. Необходимая информация содержится в «сказках», которые собирались во время разбора 1675 г. со всех помещиков уезда [6].

По характеру службы помещики разделялись на две категории: нижнюю ступеньку занимали служилые люди городской службы, а верхнюю – полковой службы. Именно среди последних и следует, прежде всего, попытаться выявить служилую элиту уезда.

Формальными критериями для этого являются чин и размеры поместного и денежного окладов. Правда, здесь следует иметь в виду, что с созданием полков нового строя и Белгородского разрядного полка старая «лествица» чинов, по крайней мере, на юге страны значительно изменилась – появился ряд новых чинов, которых не существовало в предшествующий период (заоевочки, есаулы и др.). Что касается размеров окладов, то хотя они и не были напрямую связаны с размерами реальной земельной «дачи», тем не менее являлись важным статусным показателем. Служилые люди с большими окладами занимали более высокую ступеньку (по крайней мере, в глазах государства), нежели их «братья» того же чина с меньшими окладами. Сочетание двух признаков – высокого, в масштабах уезда, чина и большого размера поместного и денежного окладов – позволяет, на наш взгляд, выявить служилую элиту уезда.

Однако в таком уезде, как Воронежский, служилая элита составляла лишь часть элиты уезда в целом. Полагаем, что уездной элитой рассматриваемого периода следует считать ту часть населения уезда, которая имела возможность оказывать влияние на остальных жителей уезда или на какую-то их часть. Сюда следует отнести людей, которые: а) выделялись из общей массы своим материальным положением, в силу чего создавали рабочие места для жителей уезда (например, по обслуживанию судов донской торговли); б) назначались или выбирались на различные административные должности. В этом случае к уездной элите, помимо служилой верхушки, следует относить представителей и других категорий населения – служилых людей «по прибору», посадских людей и духовенства.

Исходя из сказанного, для выявления состава уездной элиты необходимо изучать следующие аспекты, связанные как со служилым, так и неслужилым населением:

– круг семей, представители которых более или менее регулярно назначались или выбирались на административные должности в городе и уезде;

– круг семей, представители которых более или менее регулярно получали ответственные «разовые» поручения от воевод;

– участников конфликтов с воеводами, поскольку такие конфликты могли происходить из-за разногласий воевод с местной элитой или отдельными ее группами; в последнем случае это может помочь выявлению групп с общими интересами по какому-либо вопросу.

Выявление конкретных людей или нескольких поколений одной семьи, сочетающих все указанные признаки, позволит, на наш взгляд, определить состав элиты уезда.

Разумеется, крайне любопытно было бы установить родственные и долговременные неформальные связи между различными представителями элиты, а также между ними и теми лицами, которые не попадают под вышеуказанные признаки. В последнем случае возникает возможность выявить еще и некую неформальную часть уездной элиты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скобелкин О. В. Служилая элита Воронежского уезда в 70-х гг. XVII в. / О. В. Скобелкин // Елец и его окрестности. – Елец, 1991.
2. Скобелкин О. В. Южный фронт России на рубеже 60–70-х гг. XVI в. / О. В. Скобелкин // Вестник Тамб. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 10 (126). – С. 43–48.
3. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991. – 272 с.
4. Загоровский В. П. Белгородская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1969. – 304 с.
5. Скобелкин О. В. Структура служилого населения Воронежа и Воронежского уезда в XVII в. / О. В. Скобелкин // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 2011. – Вып. 18. – С. 75–81.
6. РГАДА. – Ф. 210. Разряд. – Оп. 12. Столбцы Белгородского стола. – № 760. – Л. 11–646 ; № 809. – Л. 1–502.
7. Глазьев В. Н. Власть и общество на юге России в XVII веке : противодействие уголовной преступности / В. Н. Глазьев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – 432 с.

Воронежский государственный университет

Скобелкин О. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
E-mail: olegskob@mail.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University

Skobelkin O. V., Candidate of the Historical Sciences, Associate Professor of the Russian History Department
E-mail: olegskob@mail.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-14